

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2024.150.87>

К ВОПРОСУ О РЫБОЛОВНОЙ ЛЕКСИКЕ ШУРЫШКАРСКИХ ХАНТЫ

Научная статья

Енов В.Е.^{1,*}

¹ ORCID : 0009-0008-4782-330X;

¹ Югорский государственный университет, Ханты-Мансийск, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (asovo[at]bk.ru)

Аннотация

Научное значение темы обосновано антропологическим поворотом в лингвистике и актуальностью проблематики картины мира. Статья посвящена отдельным культурно значимым аспектам хантыйской рыболовной лексики, а именно её отражению в представлениях шурышкарских ханты о времени, орудиях и технике лова. Показано значение рыболовного промысла для коренного населения Шурышкарского района Ямало-Ненецкого автономного округа. Определено место названных тематических групп в структуре семантического поля рыболовно-промысловой лексики в целом. Установлено её значение в описании материальной культуры ханты, показана роль в формировании представлений онтологического характера, а именно представлений о времени, как одного из оснований картины мира.

Ключевые слова: ханты, шурышкарский диалект, рыболовная лексика, материальная культура, языковая картина мира.

TO THE ISSUE OF FISHING VOCABULARY OF SHURYSHKAR KHANTY PEOPLE

Research article

Enov V.E.^{1,*}

¹ ORCID : 0009-0008-4782-330X;

¹ Yugra State University, Khanty-Mansiysk, Russian Federation

* Corresponding author (asovo[at]bk.ru)

Abstract

The scientific significance of the topic is substantiated by the anthropological turn in linguistics and the relevance of the worldview issues. The article is dedicated to some culturally significant aspects of Khanty fishing vocabulary, namely its reflection in the Shuryshkar Khanty's ideas about time, fishing tools and techniques. The significance of fishing for the indigenous population of the Shuryshkar district of the Yamalo-Nenets Autonomous District is shown. The place of the named thematic groups in the structure of the semantic field of the fishing vocabulary as a whole is determined. Its significance in the description of Khanty material culture is established, its role in the formation of ontological representations, namely representations about time as one of the bases of the worldview is shown.

Keywords: Khanty, Shuryshkar dialect, fishing vocabulary, material culture, linguistic worldview.

Введение

Актуальность исследования промысловой лексики коренных малочисленных народов Севера определяется несколькими обстоятельствами. Это и значимость промыслов в традиционной культуре, и угрожающие ей современные деформации, и кризисное состояние языков северных автохтонов.

В контексте нашей статьи сделаем акцент на важности промыслов, в том числе и рыболовного промысла в традиционной культуре, акцент, требующий междисциплинарного, а именно лингво-культурологического подхода.

Антропологический поворот в науке наряду с «лингвистической экспансией» привёл к формированию такого синтетического направления как лингвокультурология, оформившегося к настоящему времени в полноценную научную дисциплину. Одним из её базовых понятий является понятие языковой картины мира – представления о мире, передаваемого семантическим пространством родного языка.

Рыболовная лексика ханты ранее не раз становилась предметом внимания. В XVIII–XIX вв. учёные главным образом собирали соответствующий материал, его исследования только начинались. Наиболее интересен в этом отношении труд Н. А. Варпаховского «Рыболовство в бассейне реки Оби» [2], оценившего состояние промысла профессионально, как ихтиолог, член Российского общества рыбоводства и рыболовства. Собирая сведения о жизни ханты в бассейне реки Обь, он первым описал некоторые орудия и способы рыбной ловли.

В наше время рыболовная лексика ханты, во-первых, нашла своё отражение в словарях, в том числе включая заимствования в словарях русского языка [1], [9], [10]. Во-вторых, она оказалась в фокусе исследовательского внимания как историков и этнографов, так и лингвистов.

Историков интересовало по преимуществу промышленное рыболовство. Его развитие в конце XIX – начале XX вв. Е. В. Санкин рассматривал как часть большой темы «хозяйственного освоения Западной Сибири» в связи с экономической модернизацией. Поэтому основное внимание было уделено формам владения рыболовными угодьями, организации рыболовства и его регулированию.

Рыбному хозяйству Ханты-Мансийского округа периода Великой Отечественной войны посвятила свою монографию Л. В. Алексеева. Исследование выполнено в контексте конкретно-исторической проблематики, связанной с формированием мобилизационной экономики 1941–1945 гг., ссылки на языковой материал, каковы, например, «народная классификация» сортов рыбы и характеристика зимнего замора редки и лапидарны.

Обширные исторические сведения о рыболовном промысле ханты от неолита до современности содержит 8-томная Академическая история Югры. Хотя в центре внимания авторов находятся, прежде всего, вопросы места и роли рыболовства в традиционных хозяйственных комплексах автохтонов, отношения по поводу рыбных угодий и товаризации промысла, но в то же время ими представлены и сведения о видах добываемой рыбы, способах рыбной ловли, обмене опытом между автохтонами и русским населением, а также обряды и ритуалы, связанные с рыболовством.

К сожалению, рыболовная лексика при этом не используется, хотя Н. Б. Кошкарёва, оценивая современную языковую ситуацию в Ханты-Мансийском округе, и отмечает рыболовный промысел, как одну из основ функционирования хантыйского языка. Значение названных исторических трудов в контексте нашей статьи заключается в том, что они на основательной источниковой базе показывают традиционный промысел ханты в его истоках и развитии.

В наших исследованиях мы рассматриваем предметы рыболовства в аспекте лексико-семантического поля и полевой модели. Этот подход позволяет осмыслить рыбопромысловую лексику как вербальное выражение жизненно важных для народа ханты культурных реальностей [3].

Отметим и коллективную монографию «Промысловая лексика хантыйского языка» [11], в которой рыбопромысловая лексика репрезентируется в семантическом и структурном аспектах. Как и в наших исследованиях, авторы книги – В. Н. Соловар, Н. А. Герляк и П. Т. Тарлин выделяют лексические единицы, обозначающие названия рыб, строение их тел, орудия промысла и действия рыбака, а также названия хантыйской рыбной кухни. Авторы стремятся учесть данные фольклора, орнаменталистики, топонимики, народного промыслового календаря. Уже за этой краткой презентацией книги ясно просматривается лингвокультурологический характер её текста

Аналогичным образом можно оценить и статью А. Д. Каксина, название которой в этом отношении говорит само за себя – «Человек и его дело: особенности «рыболовного дискурса» в хантыйском языке» [8]. Рыболовный промысел здесь представлен через образ рыбака-ханты.

В вышедшей позднее статье Н. А. Герляк [4] налицо известный возврат к семантическому и структурному анализу хантыйской рыболовной лексики в целом. В фокусе внимания появляется ещё одна её лексико-тематическая группа, определяемая автором как «сопутствующие, вспомогательные предметы и явления». При этом заявлен опыт рассмотрения не только семантического и структурного, но, очевидно, под влиянием антропоцентрической парадигмы, и функционально-коммуникативного аспекта.

Мы впервые предприняли опыт её анализа с позиций полевой модели. В ядро поля были помещены ихтионимы, периферию составили наименования отдельных частей рыбы, блюда рыбной хантыйской кухни, орудия лова и рыболовный транспорт [6]. Завершение данного исследования было связано нами с характеристикой промыслового календаря и приёмов ловли рыбы.

Целью работы является характеристика промыслового рыболовного календаря и приёмов лова как элементов хантыйской языковой картины мира.

Методы и принципы исследования

Материалом настоящего исследования послужила ихтионимическая лексика, выявленная и зафиксированная автором в полевых условиях от носителей хантыйского языка, постоянно проживающих в бассейне рек Большая и Малая Обь в Шурышкарском районе Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области. Кроме того, источниками исследования стали некоторые сведения из этимологических, толковых и топонимических словарей русского языка [1], [5], [10]. Привлекались труды отечественных ученых XVIII–XIX вв., современных ученых-ихтиологов, этнографов и лингвистов.

Для данного исследования применялись следующие методы и приемы: описательный, сравнительный, сплошная выборка (из собранного материала), семантический анализ. Частично указанные методы и приемы применялись нами в модифицированном виде: на некоторых этапах работы мы опирались на сообщения информантов и на личный опыт рыболовства.

Цель статьи определяет лингвокультурологический подход к материалу, требующий определенных методов исследования, прежде всего, семантического анализа, обращение к традиции объясняет использование в статье некоторых исторических сведений.

Обсуждение

Территория Шурышкарского района составляет 62 тыс. кв. км – это больше, чем территория таких государств как Хорватия, Словакия, Дания, Нидерланды. Здесь протекают две великих реки: Большая и Малая Обь, которые имеют свои многочисленные притоки, как в Ямало-Ненецком, так и в соседнем Ханты-Мансийском автономном округе – Югре. Этот обширный речной край – родина народа ханты.

Естественно-географический, природный фактор обусловил особую – важнейшую роль в жизни хантыйского народа рыболовного промысла. В. Ф. Зуев – путешественник и этнограф, побывавший на Нижней Оби в 1771 г., отмечал, что рыболовство – «первое у остяков и самоедцов пропитание». Более столетия спустя ихтиолог Н. А. Варпаховский свидетельствовал [2], «... в настоящее время рыбный промысел имеет крайне важное значение для населения Сибири, особенно для инородцев с северной лесной и полярной полосею ея, доставляя им рыбу – почти единственную их пищу ...». Уже в советское время этнограф и лингвист Е. Д. Прокофьева констатировала роль рыболовства как основного занятия низовых автохтонов.

Исходя из вышеизложенного следует, что рыболовная лексика в жизни шурышкарских ханты постоянно присутствует в речи, а, следовательно, и в миропредставлении. И это присутствие носит активный характер. Допустимо утверждать, что рыболовная, как, впрочем, и лексика иной промысловой направленности, является системообразующим элементом представлений народа ханты о времени, что в нашем случае подтверждается содержанием календаря шурышкарских ханты. Почти в каждом названии месяца употребляются лексемы из отраслевой рыболовной лексики:

- 1) январь – *as xəlti tilás*, досл. «месяц умирания Оби», т.е. месяц замора воды в реке Оби;
- 2) февраль – *ropxaj kirk tilás*, досл. «месяц обманчивого орла», т.е. то непогода, то вновь хорошие дни наступают для рыбной ловли на живунах;
- 3) март – *aj ker tilás*, досл. «месяц малого наста», т.е. солнце начинает ярче светить, снег тает, а ночью вновь подмерзает и появляется крепкий наст, по которому легче ходить на рыбную ловлю к живунам;
- 4) апрель – *un ker tilás*, досл. «месяц большого наста», т.е. появляется более крепкий наст для рыбной ловли на живунах;
- 5) май – *as poratti tilás*, досл. «месяц ледохода на Оби», т.е. происходит вскрытие Оби, река очищается ото льда и со стороны студеного моря в нее приходит свежая рыба;
- 6) июнь – *litap xolti tilás*, досл. «месяц икромета рыбы» (щуки, язя, сороги, чебака и др.);
- 7) июль – *us joxatti tilás*, досл. «месяц вонзи», т.е. рыбной молодежи;
- 8) август – *war tuxarti tilás*, досл. «месяц запорного рыболовства», т.е. рыболовы изготавливают запоры и ловят рыбу на выходе из соров в реку;
- 9) сентябрь – *šoxar joxatti tilás*, досл. «месяц прихода щокура»;
- 10) октябрь – *wunš joxatti tilás*, досл. «месяц прихода нельмы»;
- 11) ноябрь – *as potti tilás*, досл. «месяц замерзания льда на Оби»;
- 12) декабрь – *pöl wantti tilás*, досл. «месяц осмотра частичных заграждений»: в декабре дни самые короткие, поэтому одного дня хватало только на осмотр нескольких частичных заграждений, в которых подо льдом выставлялись гимги – рыболовные снаряды.

Обратимся к семантике и этимологии вышеназванных лексем. Применительно к «**месяцу умирания Оби**» Н. А. Варпаховский [2, С. 1] пишет: «Ловь <гимгами> основывается, главным образом, на том интересном явлении, которое носить разныя мѣстныя названія: «замирание» Оби, «заморь», «ржавець». Наступает оно въ декабрь или январь и выражается тѣмъ, что все, живущее въ этой великой сибирской рѣкѣ, начинаетъ погибать, и рѣка вскорѣ становится совершенно безжизненной». В словаре А. М. Кошкаревой [9, С. 48] отмечено: «**загар**, ед., м. Состояние воды зимой, когда она подо льдом портится от недостатка кислорода».

Месяц *us joxatti tilás* «июль» – «месяц подъема рыбы на нерест». Н. А. Варпаховский [2, С. 3] считает, что «... весной, во время «**вонзи**» сиговья рыбы входят в Обь, расходятся по обширным **сорамъ** ея, чтобы питаться...». В словаре А. Е. Аникина [1, С. 161] относительно слова «вонз» есть такое определение: «**вонзъ** «первый улов рыбы в море» Обд., «ход рыбы против течения» сиб. **ванзевый: ванзевая пора** «самый большой подъем рыбы (на Оби) с половины мая до половины июня...». В словаре А. М. Кошкаревой [9, С. 32] о значении этого слова говорится следующее: «**вонзъ**, м. Время весеннего подъема рыбы. «**Вонзъ, ванзевый ход**» говорят на Севере, **вонзъ** – в переводе «богатый рыбой». Ханты, действительно, считают этот месяц «богатым рыбой»; таким образом, *us joxatti tilás* – «месяц подъема рыбы на нерест», именно от слова *us* досл. из хант. «подъема рыбы на нерест» через коми-иж. *wonž* > **вонзъ**, а от слова *lor* «заливной луг» > **sor**. В толковом словаре В. И. Даля [5, С. 251] приводится такое объяснение данного слова: «**соръ** (кажется это оное слово, не остяцкое ли?) *тобл. том.* обширные поёмы, поймы, родъ залива, болѣе или менѣе постояннаго; если вода и застаивается вовсе *на сору*, то онъ не зовется озеромъ, потому что связанъ притоками съ рѣкою, и всегда стоитъ въ уровень съ нею. Есть *соры* въ десятки версты; слово это напоминаетъ *сарма* или *сорма*, мель, перекачать».

А. Е. Аникин [1, С. 524] трактует значение слова **сор** следующим образом: «**сор, сорá** мн. большое озеро, образовавшееся в низком месте (на заливнои лугу, в старом русле реки) во время половодья, обычно соединенное протоками с рекой и другими подсобными озерами; заливнои поемный луг» н.-приирт., **сор** «обширные поймы; род залива, более или менее постоянного». В словаре А. М. Кошкаревой [9, С. 121] это слово также отмечено: «**сор**, а, м. Низкая травянистая пойма реки, затопленная весенним половодьем, место жировки рыбы...».

В рыболовной лексике шурышкарского диалекта хантыйского языка **lor** – это заливной луг, например: в д. Послово Шурышкарского района Ямало-Ненецкого автономного округа – *hawrem lor* «сор Потерянного ребенка», так, **lor** > **sor**, причем при его заимствовании местными говорами русского языка в слове произошло чередование начальных согласных *l/s*.

Вслед за лексикой, связанной с определением времени, обратимся к лексике орудий и способов рыбной ловли. В настоящее время одним из самых распространенных орудий рыбной ловли на Большой и Малой Оби является **sojap** «невод», от него в хантыйском языке имеются производные: *sojpitii* «неводитъ», *sojap jox* – досл. «невод, люди». Происхождение этого названия, по нашему мнению, связано с хантыйскими словами *sojam* «ручей» и *pitti* «попадать». Вероятно, сначала таким сетевым мешком-неводом ханты ловили рыбу на ручьях, а уже позднее при слиянии двух этих слов образовалось название рыболовного орудия **sojap**. Вторая версия происхождения этого слова: оно восходит к хант. суц. *sej* «песок» и *pan* «берег». Точно таким же сетевым мешком-неводом рыболовы могли добывать рыбу на чистых от коряг береговых песках рек Большой и Малой Оби. В словаре А. К. Матвеева [10, С. 70–71] написано: «**Саип**, с. м. Гарин. Табор. Ловушка для рыбы из сетевого материала (дели, мереги), представляет собою длинный, постепенно суживающийся мешок с квадратным или прямоугольным основанием. Величина **саипов** и размер их ячеей очень разнообразны и зависят от местных условий, времени лова, вида рыбы и т.д... **Саип**, с. м. Тоб. Том. (Патк. Том. пр.); у Н. А. Варпаховского [1, С. 521] отмечено: «**Саиб**» (название остяцкое, что значит «мешок») [2, С. 30]; в

словаре А. Е. Аникина [1, С. 493] указано: «**саип** – ловушка на рыбу, похожая на большой фитиль с двумя крыльями, или просто большой куль из мережи, как мотня невода»; **Соиб** «невод остяцкий» сиб. // если не искажено вместо **саиб** (**саип**), то может происходить из хант. источника...; таким образом, **sojɔ** > **саиб** или **саип**».

Кроме того, имеются термины, раскрывающие некоторые способы рыбной ловли. Одним из наиболее употребительных слов является **war**, т.е. «запор (заграждение) для рыбной ловли». В словаре А. Е. Аникина [1, С. 155] значение этого слова рассматривается так: «**вар** – преграда из свай, кольев, вбитых в дно реки и оплетенных прутьями, для задержания рыбы, закол». Берез., сиб. «земляной запор для рыбной ловли...». В словаре А. М. Кошкарёвой [9, С. 27] написано: «**вар**, ед., м. Время лова после летнего нагула»; таким образом, **war** > **вар**.

Название вида этого промысла рыбаки-ханты называют **war tuɣɔrti wer**, т.е. «варовый промысел», а **war wertɔ joɣ** – «люди, изготавливающие запор»; **варовый**, значит «запорный». В словаре у А. М. Кошкарёвой [9, С. 28] это слово определено так: «**варовый промысел** (лов). Способ лова рыбы с применением заграждения»; таким образом, **war tuɣɔrti wer** > **варовый (или запорный) промысел рыбы**.

Кроме того, в рыболовной лексике ханты широко используется слово **pösal**, т.е. «протока», например: **pöslan joɣ** – «проточные люди» или «люди, живущие по берегам протоки». Это слово, как и другие, также было заимствовано русским языком. В словаре А. Е. Аникина [1, С. 462] ему дается такое определение: «**пасол** «протока» с.-тобол., **посол** «протока» (например, в назв. проток Оби: Ваховский **посол** и др.)»; таким образом, **pösal** > **пасол, посол, посал** или **посл**, например: в п. Азово Шурышкарского района Ямало-Ненецкого автономного округа – **pelŋa pösl** «протока Комариная» > **Пелнапосл**, в результате заимствования хантыйского слова русским языком произошло чередование **нг//н** [3, С. 353–355].

Приведенный нами выше фактический материал в частности показывает, насколько интенсивно происходили хантыйско-русские языковые контакты. Можно говорить о внедрении хантыйской лексики, если и не в русскую картину мира, то, во всяком случае, в её эрзац-вариант – рыбопромысловый лексикон.

Заключение

В заключении перечислим основные положения статьи.

Во-первых, рыбный промысел представляет собой традиционный вид хозяйственной деятельности народа ханты вплоть до настоящего времени, что обусловлено географическими, природно-климатическими условиями Нижнего Приобья.

Во-вторых, по этой причине рыбопромысловая лексика не только образует содержание соответствующего лексико-семантического поля, но и является частью хантыйской языковой картины мира.

В-третьих, это в полной мере относится к лексике, характеризующей как способы рыбодобычи, которую мы размещаем в ближней периферии названного лексико-семантического поля, так и временные, календарные особенности промысла. Хотя последние в виде шурышкарского промыслового календаря уместно поместить в дальней периферии нашего лексико-семантического поля, в аспекте языковой картины мира значение их невозможно переоценить: промыслово-календарная лексика освещает одно из онтологических оснований бытия – время.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков / А.Е. Аникин. — Новосибирск : Наука, 1997. — 774 с.
2. Варпаховский Н.А. Рыболовство в бассейне реки Оби : в двух частях / Н.А. Варпаховский. — Тюмень : Мандрика, 2003. — Ч. 1. — 230 с.
3. Вафеев Р.А. «Сибирский колорит» русской рыболовной лексики / Р.А. Вафеев, В.Е. Енов // Русский язык как фактор стабильности государства и нравственного здоровья нации : труды и материалы второй Всероссийской научно-практической конференции (3 сентября — 2 октября 2010 года). В 2 ч. — Тюмень : Мандр и Ка, 2010. — Ч. 1. — С. 347–356.
4. Герляк Н.А. Лексика рыболовства и охотничьего промысла в казымском диалекте хантыйского языка: функционирование в тексте / Н.А. Герляк // Современное педагогическое образование. — 2023. — № 7. — С. 206–209.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т / В.И. Даль; предисл. А.М. Бабкина. — Москва : Рус. яз., 1980. — Т. 4 : П–Я. — 683 с.
6. Енов В.Е. Полевая модель исследования и ее применение в хантыйском языке / В.Е. Енов // Вестник Башкирского университета. — 2009. — Т. 14. — № 4. — С. 1397–1399.
7. Енов В.Е. Принципы «полевой модели» исследования лексики ихтиофауны хантыйского языка (на материале пословского говора шурышкарского диалекта) / В.Е. Енов // Филологические исследования обско-угорских языков: традиции, новации, итоги, перспективы : материалы Всероссийской заочной научно-практической конференции XII Югорские чтения (20 декабря 2013 года, Ханты-Мансийск). — Тюмень : Формат, 2014. — С. 49–53.

8. Каксин А.Д. Человек и его дело: особенности «рыболовного дискурса» в хантыйском языке / А.Д. Каксин // Кунсткамера : научный журнал. — 2020. — № 1 (7). — С. 51–58.
9. Кошкарева А.М. Материалы для областного словаря : (специальная лексика северных районов Тюменской области): в 4 ч / А. М. Кошкарева. — Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 1993. — Ч. 1. Лексика рыболовства. — 143 с.
10. Матвеев А.К. Географические названия Тюменского Севера : краткий топонимический словарь / А.К. Матвеев. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1997. — 192 с
11. Соловар В.Н. Промысловая лексика хантыйского языка / В.Н. Соловар, В.Д. Гатченко, П.Т. Тарлин. — Ханты-Мансийск : Информ.-издат. центр Югор. гос. ун-та, 2010. — 172 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Anikin A.Ye. Etimologicheskij slovar' russkikh dialektov Sibiri: zaimstvovaniya iz ural'skikh, altajskikh i paleoaziatskikh yazykov [Etymological dictionary of Russian dialects of Siberia: borrowings from Uralic, Altaic and Paleo-Asian languages] / A.Ye. Anikin. — Novosibirsk: Nauka, 1997. — 774 p. [in Russian]
2. Varpakhovskiy N.A. Rybolovstvo v bassejne reki Obi [Fishing in the Ob River Basin]: in 2 parts / N.A. Varpakhovsky. — Tyumen: Mandrika, 2003. — Pt. 1. — 230 p. [in Russian]
3. Vafeev R.A. «Sibirskij kolorit» russkoj rybolovnoj leksiki ["Siberian flavor" of Russian fishing vocabulary] / R.A. Vafeev, V.E. Enov // Russkij jazyk kak faktor stabil'nosti gosudarstva i npravstvennogo zdorov'ja narii [Russian language as a factor of stability of the state and moral health of the nation]: proceedings and materials of the Second All-Russian Scientific and Practical Conference (September 3–October 2, 2010). In 2 parts. — Tyumen : Mandr and Ka, 2010. — Pt. 1. — P. 347–356. [in Russian]
4. Gerlyak N.A. Leksika rybolovstva i ohotnich'ego promysla v kazymskom dialekte hantyskogo jazyka: funkcionirovanie v tekste [Vocabulary of fishing and hunting in the Kazym dialect of the Khanty language: functioning in the text] / N.A. Gerlyak // Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie [Modern pedagogical education]. — 2023. — № 7. — P. 206–209. [in Russian]
5. Dahl V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]: in 4 vols / V.I. Dahl; preface by A.M. Babkin. — Moscow : Russian Language, 1980. — Vol. 4 : P–Ya. — 683 p. [in Russian]
6. Enov V.E. Polevaâ model issledovaniâ i ee primenenie v hantyskom âzye' [Field model of research and its application in the Khanty language] / V.E. Enov // Vestnik Baškirskego un-ta [Bulletin of the Bashkir University]. — 2009. — Vol. 14. — № 4. — P. 1397–1399. [in Russian]
7. Enov V.E. Principy «polevoj modeli» issledovaniya leksiki ihtiofauny hantyskogo jazyka (na materiale poslovskogo govora shuryshkarskego dialekta) [Principles of the "field model" of the study of the vocabulary of the ichthyofauna of the Khanty language (based on the material of the proverbial dialect of the Shuryshkar dialect)] / V. E. Enov // Filologicheskie issledovaniya obsko-ugorskih jazykov: tradicii, novacii, itogi, perspektivy [Philological studies of the Ob-Ugric languages: traditions, innovations, results, prospects] : materials of the All-Russian Correspondence Scientific and Practical Conference XII Ugric readings (December 20, 2013, Khanty-Mansiysk). — Tyumen : Format, 2014. — P. 49–53. [in Russian]
8. Kaksin A.D. Chelovek i ego delo: osobennosti «rybolovnogo diskursa» v hantyskom jazyke [Man and his business: features of the "fishing discourse" in the Khanty language] / A.D. Kaksin // Kunkamera : nauchnyj zhurnal [Kunkamera : Scientific Journal]. — 2020. — № 1 (7). — P. 51–58. [in Russian]
9. Koshkareva A.M. Materialy dlya oblastnogo slovaryâ: spetsial'naya leksika severnykh rayonov Tyumenskoy oblasti [Materials for the regional dictionary: special vocabulary of the northern regions of the Tyumen region]: in 4 parts / A.M. Koshkareva. — Nizhnevartovsk: Publishing house of Nizhnevartovsk Pedagogical Institute, 1993. — Pt 1. Vocabulary of fishing. — 143 p. [in Russian]
10. Matveyev A.K. Geograficheskiye nazvaniya Tyumenskogo Severa: kratkiy toponimicheskij slovar' [Geographical names of the Tyumen North: a brief toponymic dictionary] / A.K. Matveyev. — Ekaterinburg: Publishing house of the Ural University, 1997. — 192 p. [in Russian]
11. Solovar V.N. Promyslovaya leksika hantyskogo jazyka [The commercial vocabulary of the Khanty language] / V.N. Solovar, V.D. Gatchenko, P.T. Tarlin. — Khanty-Mansiysk : Information and Publishing Center of Yugorsky State University, 2010. — 172 p. [in Russian]